

К Р О К О Д И Л

Рис. И. СЕМЕНОВА

«АМЕРИКАНКА»

(МЕЛКИЕ ПОДДЕЛКИ И КРУПНЫЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ)

Приём заказов на срочное изготовление антисоветских моделей.
Шьются белыми нитками, на скорую руку, исключительно из немецких материалов, на нацистской подкладке, и столь же быстро лопаются по швам.

ВОЗЬМЕМ В РУКИ КАРАНДАШ И...

...подсчитаем, сколько будет, если от 1500 отнять 36.

По Малинину и Буренину, как говорили в старину, должно получиться 1464. Это и будет число пустых мест в зрительном зале Ивановского областного драматического театра на спектакле 6 февраля.

Когда-то у театральных рецензентов были в запасе два ходких слова: «полупуст» и «полуполон». Желая досадить антрепренёру и ударить почувствительнее, рецензент писал: «Зал был полупуст». При хороших отношениях в газете появлялось: «Зал был полуполон».

К сожалению, мы не можем воспользоваться даже второй формулировкой и вынуждены заявить: «Зал был почти пуст».

Зрители с успехом разместились в первых двух рядах, и лишь в тёмной глубине амфитеатра маячила чья-то одинокая фигура.

Шла пьеса... Впрочем, не будем портить автору настроение, тем более, что дело не в пьесе. Войдя за кулисы, мы услышали от администратора Кушнарёвой:

— Возьмём в руки карандаш и подсчитаем, сколько в ивановских зрелищных предприятиях мест. Драмтеатр, музыкальная комедия, детский театр, государственный цирк, кино... Где же набрать в обычный день столько охотников до зрелищ! То ли дело в субботу или в воскресенье!..

Подойдя к кассе в субботу, мы увидели аншлаг: «На сегодня все билеты проданы». Запретный плод сладок, и, каемся, мы проникли в театр с чёрного хода. Сначала мы протёрли глаза, потом ущипнули себя за нос. Нет, это был не сон, а самая настоящая явь...

...Зал был почти пуст. Зрители с успехом разместились в двух первых рядах, и лишь в тёмной глубине амфитеатра маячило несколько фигур.

В остром, как зал метро, фойе мы поняли, почему у кассы висело объявление об аншлаге. Везде: в больших курительных

комнатах, в просторных коридорах, в гигантских буфетах, расчитанных, по меньшей мере, на полтысячи человек, — всюду шумела, пела, танцевала молодёжь.

Мы спросили директора тов. Поварени, давно ли театр превращён в общегородскую танцевальную площадку. В ответ мы услышали:

— Возьмём в руки карандаш и подсчитаем, какой мы терпим убыток, если каждый будничные день касса недобирает...

И посыпались цифры. Затем последовал вывод:

— Конечно, нехорошо, что спектакль сам по себе, а публика сама по себе. Но танцевальные вечера — наше спасение. Только ими и держимся.

С кем мы только в Иванове не говорили из театральных деятелей, в ответ неизменно слышали:

— Возьмём в руки карандаш...

И начинались практические занятия по всем четырём действиям арифметики. Каких только выкладок мы не наслушались!

Одни с помощью математики старались доказать, что ивановцы больше всего обожают французскую борьбу, и поэтому, дескать, публика идёт главным образом в цирк.

Другие с цифрами в руках утверждали, что из трёх существующих театров надо закрыть, по меньшей мере, два.

Третьи, потрясая сводками, уверяли, что такое же (если не хуже) положение у соседей: в Ярославле, во Владимире, в Костроме и даже в Горьком.

И, наверное, мы совсем бы запутались в этой густой сетке цифр, если бы нас не выручил требовательный зритель. Он сказал:

— Возьмём в руки карандаш и подсчитаем количество премьер за прошлый год: «Женитьба» Гоголя, «За тех, кто в море!», «Губернатор провинции»...

Как мы ни считали, выходило, что театр за год показал зрителю всего только семь премьер и притом ни одной советской комедии.

— Вот видите, какие академические темпы!

Мы пробовали встать на защиту театра:

— Может быть, нехватает актёров. Может, ещё чего-нибудь нехватает.

Строгий зритель сказал:

— Нехватает многого. Возьмём в руки карандаш и подсчитаем, в каких спектаклях занята заслуженная артистка республики Дружинина.

Начали подсчитывать, и вышло, что за весь год артистка Дружинина сыграла одну только роль.

Неумолимый зритель продолжал:

— А заслуженный артист республики Колесов? А артист Акинфиев?

А артист...

Каких мы только имён не услышали! И получалось, что половина труппы, мягко выражаясь, была в отпуску весь прошлый год.

В заключение требовательный зритель попросил:

— Не вините нас, зрителей-ивановцев, в холодном, равнодушном отношении к театру. Не вините в этом и наших соседей, ярославцев, костромичей и владимирцев. Мы любим наш театр, но нельзя же каждую пьесу смотреть по десять раз! А за год, как вы знаете, в Иванове было всего семь премьер! Возьмите в руки карандаш и напишите об этом в вашем журнале...

Мы с удовольствием исполнили эту просьбу.

Арк. ВАСИЛЬЕВ

Календарь КРОКОДИЛА

МАРТ

	<p>Открылся (1865) индоевропейский телеграф, связавший Индию с Англией. Развязаться с последней Индия до сих пор не может.</p>		<p>Умер (1814) знаменитый русский архитектор Воронихин. Монументальные постройки его хорошо сохранились, несмотря на то, что о них «заботились» некоторые жилищуправления.</p>
	<p>День высылки Карла Маркса из Вельгии (1848), столетие безуспешной борьбы с марксизмом (1948).</p>		<p>Упразднение инквизиции в Испании (1720). В дальнейшем была успешно заменена режимом Франко.</p>
	<p>Взятие Берлина авангардом русских войск (1813). Прошло удачно и было ещё с большим успехом повторено в 1945 году.</p>		<p>Первопечатник Иван Фёдоров досрочно (1564) закончил печатание первой в России книги, за что и был премирован памятником.</p>

БИРГЕР ЛУНДБЕРГ ДЕЛАЕТ КАРЬЕРУ

ЛЕТНАЯ ПОГОДА В США

За последнее время в США обанкротилось несколько крупных фирм.

Рис. Бор. ЕФИМОВА

«Шёл странник в Дамаск,—гласит восточное сказание.— Шёл день, шёл другой. На третий день видит: сидит у одинокой хижины древний старик.

— Отец! — обратился к нему странник. — Когда я дойду до Дамаска?

— Иди! — ответил старик и отвернулся.

Странник повторил свой вопрос. И опять старик сказал:

— Иди!

Странник недоумённо пожал плечами и пошёл своей дорогой. Когда он отошёл шагов двести, он услышал голос старика:

— Вернись! Подойди ко мне!

Он повиновался.

— Ты придёшь в Дамаск завтра в полдень, — сказал старик.

— Почему, отец, ты мне этого сразу не сказал?

— Прежде чем сказать тебе, когда ты придёшь, — промолвил старик, — я должен был посмотреть, как ты ходишь...»

Это сказание вспомнилось нам в связи с последними писаниями шведского журналиста Биргера Лундберга.

Предположим такое: Б. Лундберг спросил того же мудрого старца:

— Отец! Когда я сделаю себе карьеру?

— Пиши! — ответил старец.

И Лундберг начал сочинять статейку о «железном занавесе» в Советском Союзе. Глянув на первый абзац этого весьма оригинального сочинения, старец сказал:

— Сейчас я могу ответить на твой вопрос. Ибо, прежде чем сказать тебе, когда ты сделаешь карьеру, я должен был посмотреть, как ты врешь. Сейчас я знаю: ты быстро сделаешь карьеру. И скоро ты будешь получать не только шведские кроны, но и американские доллары...

Б. Лундберг пробыл в Москве целый год. Жил он в Москве не в качестве свободного от занятий туриста и не в качестве представителя торговой фирмы. Он был корреспондентом газеты «Моргон тиднинген».

Нам кажется, что в обязанности корреспондента входит писать.

И ещё нам кажется, что эти свои обязанности корреспондент Б. Лундберг выполнял из рук вон плохо.

Судя по рассказам его коллег, иностранных журналистов, находившихся в Москве, Б. Лундберг немало ходил, ездил, наблюдал, что-то записывал в блокнот.

Но всё дело в том, что смотрел он много, а видел мало. Таково устройство глаз у некоторых зарубежных журналистов. Тут порой сильно сказываются и отсутствие широкого кругозора и слишком тонкий слой интеллекта, отпущенного им природой.

Б. Лундберг не слишком обременял читателей своей газетой: он мало писал. Не находил тем. Не видел их, не замечал.

А если и замечал, то пустяки, мелочи, пригодные для двусторонней хроники, набранной нонпарелью. Мимо него текла огромная, полноводная река, а он интересовался лишь камушками в прибрежном песке.

Всё же он кое-что писал и посылал в свою газету. Судя по письмам Б. Лундберга, напечатанным за это время в «Моргон тиднинген», он, Лундберг, доволен своей жизнью и своей работой в Москве. Никаких жалоб и претензий. Наоборот, имеются комплименты и наблюдаются реверансы.

Но вот в конце 1947 года нас, жителей советской столицы, постигла беда. К счастью, мы не заметили этой беды, а потому и легко перенесли её: нас покинул Биргер Лундберг.

Вернувшись в Швецию, Б. Лундберг решил: «Хватит валять дурака, надо начать делать настоящую карьеру».

Написать что-нибудь интересное, умное, серьёзное? Что вы! Что вы! Разве на это есть сейчас спрос на том рынке, где имеет хождение иностранная валюта?!

Сейчас там спрос на специалистов по «русскому вопросу». И он, Лундберг, станет таким специалистом. Лундберг начал действовать:

«Принимаются заказы на ложь и инсинуации. Доставка надом. Имеется большой выбор железных занавесов разных размеров. Постоянным клиентам — скидка».

В одном из романов Тургенева горничная, бойкая девица, говорит своему ухажёру:

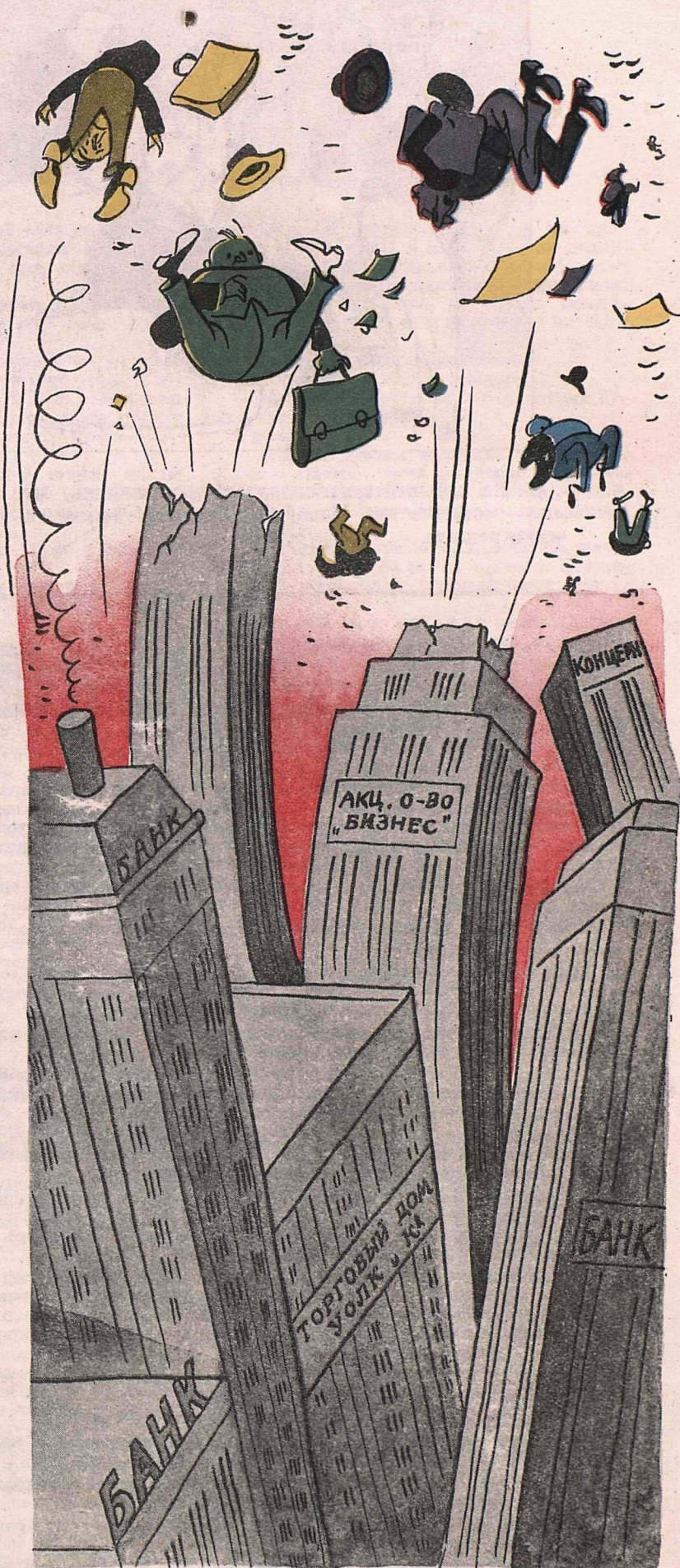
— Тебе, должно быть, скучно со мной. У меня своих слов нету. Я много говорю, но всё это чужие слова, своего — ничего...

Ухажёрам-капиталистам нескучно, хотя их газетные горничные и лакеи давно уже не имеют в своём бедном лексиконе ни одного своего слова. Все эти слова и фразы уже не раз произнесены и не раз оплачены.

К чему Б. Лундбергу затрудняться?

Он с английского языка переведёт на шведский, а потом те же самые слова и выражения будут переведены со шведского на язык «Нью-Йорк таймс» или «Дейли мейл».

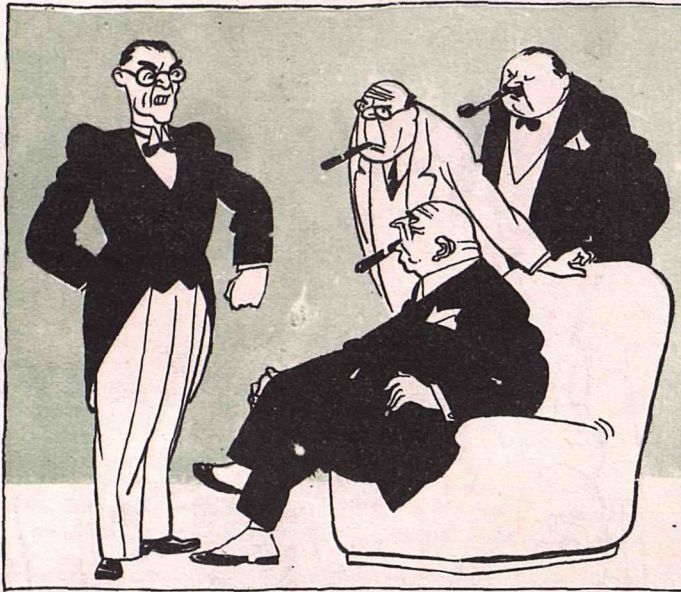
(Окончание см. на 4-й стр.)

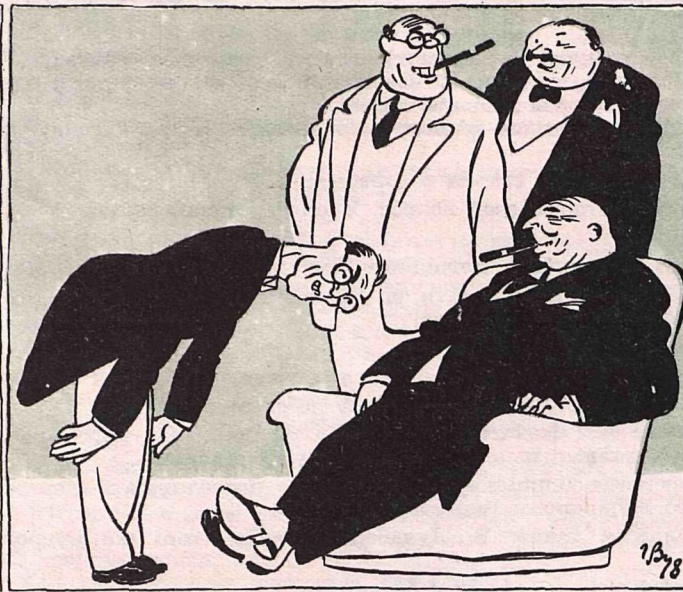
Бор. Ефимов-48.

Вылетели в трубу.

Рис. Г. ВАЛЬКА

— Не забывайте, господа промышленники, что мы — социалисты! Наше правительство категорически решило...

...почтительнейше ходатайствовать перед вами о добровольном, разумеется, сокращении ваших глупоубогаемых прибылей!

Так совершается круговорот лжи, клеветы и провокации. Благо, земля круглая, и ложь, вышедшая, к примеру, из Нью-Йорка, возвращается через некоторое время опять в Нью-Йорк.

В продажных газетах, издающихся на английском языке, писали, писали и пишут о «железном занавесе» в Советском Союзе. И вот Б. Лундберг пишет то же самое на шведском языке. То же самое, не меняя ни одной запятой.

Там, за океаном, писали, писали и пишут о том, что иностранцам в Москве запрещено ходить, гулять, встречаться с советскими гражданами, и т. д., и т. д. И вот Б. Лундберг делает в 1948 году точный перевод с языка Херста на язык своей газеты, и мы опять читаем то, над чем мы уже смеялись в 1946 году.

Иногда Б. Лундберг пытается сказать и что-то своё. И вот что у него получается:

«В Москве нет ни одного рабочего, который бы зарабатывал в месяц больше 500 рублей...».

Мы не собираемся вступать в дискуссии с Б. Лундбергом. Спорить с ним означало бы спорить с теми, кто оплачивает клевету таких сочинителей. А с такими субъектами не спорят.

Тем более что другие шведские журналисты уже опровергли всю дешёвенькую стряпню их незадачливого коллеги.

В феврале 1947 года, в те дни, когда Б. Лундберг мучился за «железным занавесом» в каком-то московском ресторане, в Москву прибыла делегация из пяти шведских журналистов.

В делегации были представлены и реакционная «Афтонбладет», и газета, в которой служит Б. Лундберг, «Моргон тиднинген», и газета «Афтонтиднинген», орган шведских профсоюзов.

Делегация пробыла в Советском Союзе три недели. За это время она проделала свыше десяти тысяч километров: на самолётах, в поездах, на автомашинах. Шведские журналисты побывали в Москве, Ленинграде, Харькове, Тбилиси, Гори.

В этой пятёрке шведских журналистов были разные люди. Был там и реакционный господин Ээк («Афтонбладет»). Очень ворчливый субъект. Он написал о том, что в России очень холодно (при царе было гораздо теплее!) и что гудки автомобильных сирен очень резки (при царе они были мягче!).

Но и господин Ээк, как и другие шведские журналисты, вернувшись к себе на родину, вынужден был признать:

— Шведская делегация могла видеть всё, что хотела.

— Мы встречались и говорили с сотнями самых различных людей в Советском Союзе...

А Б. Лундберг, тем не менее, делает карьеру: его уже цитируют разные реакционные и бульварные листки.

— Отец! Когда я сделаю себе карьеру? — обращается Б. Лундберг к своему редактору.

— Уже! — отвечает старец-редактор. — Судя по тому, как вы врётё, вы уже достигли потолка своей славы...

Г. РЫКЛИН

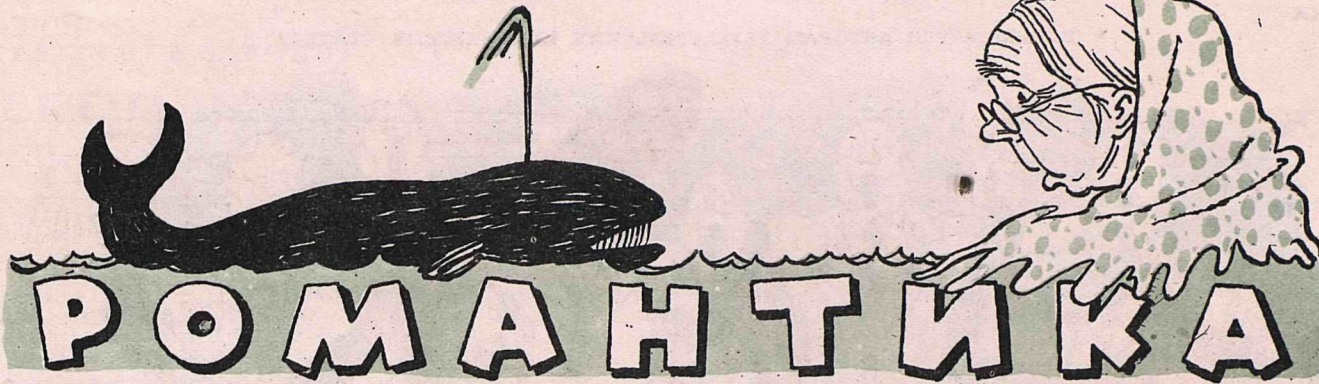
Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ, М. СЛОБОДСКОЙ

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Дорожные знаки

(ВОСПОМИНАНИЯ ДЛЯ НАПОМИНАНИЯ)

Летели в смотровые щели танка
В огне, в дыму отчаянной пальбы
Щиты: «Объезд!» «Проезд закрыт!» «Стоянка!» —
Немецкие дорожные столбы.
И помним столб километровый, чинный,
Солидный шрифт готический на нём.
«Сто сорок километров до Берлина», —
И поперёк размашисто углём
По-русски надпись: «Ни черта! Дойдём!»
Умрут стихи, забудутся былины,
Но мы не раз припомним трудным днём:
«Сто сорок километров до Берлина»
И сверху надпись: «Ни черта! Дойдём!»
Уже дорог исхожено немало
По мирному, по трудному пути,
И где б усталость нас ни донимала,
Мы всё равно не можем не дойти.
Не нагадала отдых нам цыганка,
И пусть нас всех милиция простит:
Нам из дорожных знаков не претит
Один лишь знак: «Запрещена стоянка!»
Каким бы путь нам ни казался длинным,
В метели, под дождём ли, под огнём,
Мы только вспомним надпись под Берлином
И улыбнёмся: «Ни черта! Дойдём!»
Мы никогда о войнах не мечтаем,
Другие цели светят вдалеке.
Мы знаки у дорог предпочитаем
Читать на нашем, русском языке.
Но если кто-то из гостей незваных
Захочет к нам пожаловать с мечом,
То мы дорожных знаков иностранных
Наверняка немало перечтём.
И где-то на столбе километровом
Увидим знак дорожный и на нём:
«Сто сорок километров до...» Ну, словом,
Название перечёркнуто углём
И сверху надпись: «Ни черта! Дойдём!»

Я СЕЙЧАС на нашем дворе — самая знаменитая. Когда я иду в булочную за хлебом или ещё куда, на меня люди пальцами показывают. А мальчишки, те просто проходу не дают. Прятают вокруг меня, как бесенята, и кричат:

— Тётя Настя, расскажите нам про китов!

— Тётя Настя, правда, что ваш сын убил говорящего кашколота?

А один — вот такой, от земли не видать! — третьего дня остановил меня и говорит:

— Тётя Настя, правда, что ваш сын при-слал вам живого китёнка?

— Правда, — говорю.

Он так и подскокил:

— Отдайте его мне! Вам всё равно его негде держать! Он в ванной не поместится! Я спрашиваю:

— А ты где будешь его содержать?

Он говорит:

— Мой папа заведет баней. Я его попрошу пустить китёнка в бассейн для плаванья. И там он будет спокойно расти.

Я говорю:

— А кормить его чем вы с папой станете? Мылом? Или мочалками?

Он глазом не моргнул.

— Этот вопрос, — говорит, — мы, юные натуралисты, уже обсуждали. На такое дело каждый даёт, сколько может, из киношных денег. Мы будем вскладчину, всем двором, покупать для маленького кита свежую рыбу и фруктовое мороженое.

Долго не верил, что никакого китёнка нет у меня. Даже заплакал!

А сын у меня, действительно — китобоец. Он плавает в ледовитых морях за тридцать земель от Москвы и стреляет в китов из тарпунной пушки. А попал он туда исключительно через свою... как её... романтику! Сколько я от этой самой романтики натерпелась, сколько слёз горючих пролила, одна подушка знает!.

И откуда она у него взялась, ума не приложу!

Муж мой покойный был человек степенный, положительный, работал слесарем в нашем домоуправлении. Выпивать выпивал, но без особой романтики, в меру. Сама я тоже женщина сырая, сидячая, всю жизнь в Москве прожила, на Красной Пресне. Для меня куда поехать — это целое землетрясение.

Когда в 1941 году немец нашу Пресню бомбил и мне предложили эвакуироваться в глубокий тыл, я и то наотрез отказалась.

«Лучше, — думаю, — я ещё двадцать заживалок потяну, и на окопы пойду, и за ранеными буду ухаживать, чем тащиться неведомо куда!»

А Лёшка мой ни в мать, ни в отца. Он ещё совсем мальчишкой был, а она, романтика эта, уже трепала его, как ликоманка какая!

Три раза из дома убежал!

Первый раз стащил отцовские валенки и полшубок и подался... на Северный полюс! До полюса, однако, не доехал: в Лосинке милиция сняла с электрички.

Другой раз из Одессы его к нам привезли: в Испанию пробирался, с фашистами воевать.

Постарше стал — на всё лето исчез. Мы розыск объявили, напечатали в газетах объявление. Я извелась вся, исплакалась.

Вдруг — является!

Худуший, загорелый, вытянулся в колоненскую версту. Ну, прямо арап Петра Великого!

— Здравствуйте, — говорит, — уважаемые предки! Я был на крышке мира, в горах выше Средней Азии. Я там работал на станции (забыла название, которая погоду предсказывает), изучал розу ветров!

Отец на него:

— Ах, ты такой-сякой! А почему ты не дал знать о себе?

— Потому что находился в малодоступном горном районе.

Муж покойный осерчал, пояс с себя до-лож.

— Вот я, — говорит, — сейчас изображу розу ветров на одном твоём доступном районе!..

Лёшка смеётся:

— Бросьте, папаша! За что вы меня хотите стегать? Я там благодарственную грамоту получил за свою работу. Полюбуйтесь!

Достаёт бумагу, показывает. Смотрим, действительно грамота благодарственная. Неудобно такого грамотея драть. Пришлось простить!

Началась война. Лёшу во флот взяли. Попал он на военное судно, называется «охотник». Они за немецкими подводными лодками охотились и пускали их до дну.

Я не надеялась, что он живым с войны вернётся: кому-кому, а моему романтику головы не сносить! Мужа уже не было на свете. «Ведовать, — думаю, — мне одной придётся до конца дней своих!»

А всё вышло иначе! С войны Лёша вернулся целёхоньким (один раз только легко ранен был), вся грудь в медальках, возмужал, красавец — глаз не оторвёшь!..

Демобилизовали его.

У меня какая надежда была? У меня надежда была, что поступит он на завод, на хорошее место, или учиться пойдёт, женится, остепенится, тут она и отвяжется от него, романтика эта, чтобы ей ни дна, ни покрывшки!

Куда там! Три недели походил по Москве, покрасовался, вечером как-то приходит, я сижу, носки ему штопаю.

— Вот что, — говорит, — мамаша, я уезжаю китов бить.

Я сразу не поняла.

— Лёшенька, — говорю, — но ведь война-то кончилась?

Удивился:

— При чём здесь война, мамаша?

— А кого ты, — говорю, — уезжаешь бить в таком случае? Не разберу я! Ведь все уже побиты: и немцы, и японцы, и прочие! Засмеялся, обнял меня:

— Уезжаю бить китов, мамаша! А кит — это такое морское животное, которое обладает ценным жиром, необходимым для нашей растущей промышленности. На-те, почитайте!

И даёт мне книжечку про китов.

Три дня и три ночи мы с ним как бы во чреве китовом не куچه пророка Ионы просидели, — всё спорили: ехать ему или не ехать.

Да разве его переспоришь! Он же грамотный, ласковый, и язык хорошо подвешен!.. Такой романтик какую хочешь уговорит! Наше дело материнское — известное: собрала ему бельишко, постирала, поштопала, пышек напекла и проводила на вокзал.

Стали прощаться, я заплакала.

Он меня поцеловал и говорит: — Мамаша, вы не волнуйтесь, деньги будете получать аккуратно.

Я говорю:

— Я не за деньги волнуюсь, а за тебя! Даже в книжечке твоей написано, что киты хвостами лягаются. Ты поосторожней, Лёшенька, сзади-то хоть к ним не подходи!

Хочет:

— Мамаша! Я огонь, воду, медные трубы и чортвы зубы за войну прошёл. Неужели меня паршивый китовый хвост напугает?!

Поцеловал меня ещё раз и уехал! Деньги мне, действительно, аккуратно присылал, а писем я от него целый год не получала: одни только приветы — по радио.

Очень уж далеко они за китами ушли, под самый под Южный полюс. И подумайте: мальчишкой был — до Северного не доехал, так теперь он на Южный навалился! Вдруг приходит телеграмма из Владивостока:

«Мамаша, поздравьте, я женюсь, подробности письмом!»

Я обрадовалась не могу сказать как! «Кончилась, — думаю, — его романтика! Пойдёт женатая жизнь, детишки, да то да сё — тут уж не до китов!»

Хожу по двору, всем рассказываю про его женитьбу, ног под собой не чую.

Приносят письмо.

Разрываю конверт, из него вываливается карточка:

Девушка снята. Красивенькая! В морской фуражке, кудряшки вьются, в глазах мечтанье... «Сумел, — думаю, — выбрать невестку. Молодец!»

Стала письмо читать — и сразу у меня в глазах потемнело.

Пишет:

«Жену мою зовут Марина. У нас с ней родственные души.»

Она такой же романтик, как и я, любит море, приключения и дальние странствия. Она служит радисткой на нашем судне, и мы с ней скоро уходим в новый рейс на китобойный промысел!»

Я в рёв. Поревела, поревела, всё обдумала и написала ему ответ.

Так, мол, и так, я тебя благословляю, но жить одна больше не хочу. Я решила тоже ехать на китобойный промысел, вместе с вами. Кита убить я, конечно, не сумею, но кухаркой на вашем судне или уборщицей вполне смогу ответственность. Устраивай меня, сынок, к себе. Вам же с Мариной легче будет, потому что дети и у романтиков бывают. Внука или внучку вам китики нанячить не станут!..

Так что и я теперь в романтики записалась на старости лет. Через это и знаменитой стала на весь двор.

Вот жду ответа. Конечно, они согласятся на мой приезд!.. Мать — ведь она всем нужна, а таким романтикам — вдвое, потому что они сами, как дети!

АНСАМБЛЬ КРИТИКОВ

Рис. М. ЧЕРНЫХ

(ПОСВЯЩАЕТСЯ АВТОРАМ ЗАУШАТЕЛЬСКИХ КРИТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ)

— «Эй, дубинушка, ухнем!..»

«ВЕРНОСТЬ»

(ПЬЕСА В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ)

НАЗВАНИЕ ПОДОБРАНО ТАК, ЧТОБЫ
ТЕАТРАЛЬНЫЕ КРИТИКИ ЗРЯ НЕ
ПРИДИРАЛИСЬ

Действующие лица:

Тарас Петрович — отец семейства, работает или литейщиком, или начальником станции, или директором театра, смотря по настроению драматурга.

Анфиса Тимофеевна — женщина. Домохозяйка. Жена Тараса Петровича.

Маша — типичная дочь. Активистка.

Андрей Орлов — её жених. «Парень из нашего города». Носит гимнастёрку. Положительный.

Аполлон Иванович — нето бужгалтер, нето врач, нето художник. Ухаживает за Машей. В фетровой шляпе. Отрицательный тип.

Дедушка — старый охотник. Его рассказы о былом режиссёр вычеркнули как шаблон, но старик иногда проговаривается.

Бабушка — вяжет чулок и сюжетную линию.

Домработница — её нет, она уехала сдавать экзамены в институт.

Дама без слов — роль для жены режиссёра, которая должна показать новое платье.

Действие первое

Квартира Тараса Петровича. Вечер. Семья в полном сборе.

Бабушка (вяжет чулок. Задумчиво, по-мхатовски). А что, Машка? Скоро-то вернётся твой герой? А что-то и писем нету от него.

Маша (твёрдо веря в авторитет автора). Андрей вернётся! Во всех пьесах герои возвращаются. А что он не прилетит, — в этом странного тоже ничего нет: это необходимо автору для развития темы. В большинстве случаев герои ничего не пишут, а потом — бах! — вваливаются во втором акте. (Бесстрастно.) Так почти во всех пьесах, а мы не хуже других. (Страстно.) Где он теперь? Пльвёт ли во льдах, или лезет на Шамир, или бросает уголь в топку, или летит над Сибирью, или выращивает хлопок? Где он?

Анфиса Тимофеевна. Да кто он у тебя?

Маша. Да это абсолютно безразлично для зрителя, кто он. В последнем акте мы поженимся, а там видно будет.

Бабушка. Вернётся ли твой Андрюшка или нет, не знаю, а вот Аполлон Иванович-то — жених первостатейный. (Разматывает сюжетную линию.) Вот и шла бы за него. Всем хорош человек, и в отношении сценичности и образа...

Маша (резко). Как же я за него пойду, когда автор говорит, что он отрицательный тип!

Тарас Петрович (отрываясь от газеты). Да что там твой автор понимает! Если ему верить, то только один Андрюшка и положительный! А вот по ходу действия Аполлон Иванович так перекуётся, что не узнаешь.

(Входит Аполлон Иванович, он ещё не перековался.)

Маша (искренно). Аполлон Иванович! Я вас не люблю!

Аполлон Иванович (шепчет). Это не важно. По ходу действия надо! (Продолжает ухаживать.)

Маша. Подите прочь! Во втором акте вернётся мой жених, так он вас так отделает, что вас сам автор не узнает!

Тарас Петрович (строго). Мария! Перестань! Твоей руки просит достойный человек, а ты здесь устраиваешь всякие мизансцены.

Маша. Что! Ты со мной споришь?! Я и на экране, и в литературе, и в театре — везде одинаковая. (Ждёт Андрея.)

Действие второе

То же. Те же. Маша ждала весь антракт. Сейчас тоже ждёт. Маша (устала ждать). Ох! Хоть бы скорей он приходил! Шутка ли: всё время одни и те же слова повторять!

Бабушка. И где же твой Андрей? (Штопает завязку.)

Маша. Где? Где? Вот пристали! Ну, затёрт льдами где-нибудь за кулисами, ждёт патетического момента, чтобы выбежать на сцену, понимаешь?

Бабушка. В последнем действии я, конечно, пойму, но сейчас ничего не понимаю.

Тарас Петрович (бросает газету, смотрит на часы). Ну, Машка! Буди зрителей! Скоро твой Андрюшка вернётся.

Маша. Сам буди! Сейчас должен быть кульминационный пункт, пойду растреплю волосы.

(«Вваливается» Андрей. Видит Аполлона Ивановича.)

Андрей. А-а-а-а!!! Теперь всё понятно. Вот с кем ты проводила время, пока меня драматург гонял по донецким шахтам, по карельским тундрам, по пустыне Гоби и по алтайским ущельям! Вот кто целовал твои лживые уста, пока я по замыслу автора выращивал хлопок, переплывал Охотское море и лез на Шамир!..

Маша (во время монолога Андрей Маша раздражается плачем и криками). Андрей! Это неправда! Поверь!..

Андрей (беспокойным шопотом). Я-то тебе верю, но автор велел пока не верить. Да не трепи парик: он денег стоит. И не толоси на весь театр, неудобно — люди смотрят. Ну, я побежал.

Действие третье

Аполлон Иванович (перед занавесом). Я люблю Машу вопреки воле автора и наперекор трафарету.

Театральный критик (в ужасе. Из зала). Это же в пьесе вычеркнуто! Режиссёр!!! Что вы там смотрите? Уберите его!

Автор (за сценой). Я же предупреждал режиссуру, что не надо выпускать его на авансцену!..

(Аполлона Ивановича вягивают внутрь. Из-за занавеса слышны громкие режиссёрские ремарки и хлопанье бутылочных пробок для финального радостного пира.)

Ян САШИН
ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАРОДИЯ
**Спектральные
следы**
КОСМОНЕЛОГИЧЕСКАЯ
ПОЭМА

(С. КИРСАНОВ)

Поэт

Беру возвратно туманов пятна
для сотворения стихотворенья.

Туман.

Я — масса пространная, океанная,
многопланная и туманная.

Чернильная капля,

Лучшей жизни не желая,
в пузырьке всегда жила я,
но меня всосал насос
в авторучку, в ручку авто,
из неё в стихи попав-то,
устыдиться мне пришлось!

Рифма

Бред. Брат. Брут.

Вред. Врат. Врут.

Обрывки бумаги

Эти капли, капли, капли
он на нас прольёт, не так ли?
Что же станется потом?

Поэт

Напишу я целый том
строк, строк, строк, строк!
Голос читателя
Сколько их! Куда их гонят?!

Поэт

Я не понят, я не понят!
Тонет, тонет, тонет, тонет
мой мирок!

Авторучка

Ну, довольно! Я устала.

Поэт

Мало, мало, мало, мало!
Сто листов — пластов печатных,
знатных, статных, рифмоватных,
ароматных, акробатных
и почти невероятных
в толстый отнесу журнал,
чтоб стихам редактор внял.

Голос редактора

Шлю в набор
слов набор.

Слов

славь

сплав!

Строг

слог

глав!

Поэт

Этот голос, точно луч
из-за туч!
Он летуч, певуч, гремуч
и зовуч!

Поэму всю
хвалите не скудно
секунду сю,
сию секунду!

Голос Антокольского
Браво! И брависсимо!
От смысла независимо!!!

— Моей мелодии, соловушка, тебе не понять! Её оценят лет через пятьдесят!..

Зрители. Понятно! Андрей женится! (Собираются уходить.)
Капельдинер. Граждане! Сидите на местах, счастливого
конца ещё не было! Пальто на вешалке всё равно не выдадут!
(Поднимается занавес).

За столом сидят те же плюс вспомогательный состав. Свадьба.
Анфиса Тимофеевна. Береги, Андрей, мою дочь. Люби
её! Уж я её воспитывала, кормила, поила, вынашивала...
Маша. Что ты, мама! Меня и автор-то мало вынашивал, а
зритель даже и сейчас не выносит.

Бабушка (не понимая новых веяний). Хватит вам ругаться-
то! Вот Андрей вернулся, слава богу, жив-здоров!

Тарас Петрович. Ну, давайте вышьем, а то, шутка ли, за
эти два действия столько нервов перепортили!

Дедушка. Вот, помню, лет двадцать тому назад попал я...
(Вспомнив, что это шаблон, замолкает и уходит в себя.)

Аполлон Иванович (за сценой). Пустите меня! Я хочу по-
смотреть, на их свадьбу!

Автор (за сценой). Голубчик! Только не подведите! Умоляю
вас! Ну, поздравьте их со счастливым концом! Ну, слезу пустите,
если хотите... Но не портите нам свадьбы! Иначе в пьесе не будет
хорошей концовки!!

Аполлон Иванович. Ладно! Давайте цветы! (Входит.) Ува-
жаемая Мария Тарасовна, разрешите поздравить вас со счастли-
вым браком, преподнести эти цветы и пожелать вам в жизни всё-
го прекрасного. (Вытирает пот со лба.) Фу! Больше не буду играть
такие роли! Пусть хоть повесят на Художественном совете!

(Убегает, плача от радости, что наконец отделался от автора и
режиссёра. Автор за сценой потирает руки. Все встают, поднимают
стаканы с холодным чаем (по замыслу с вином) и кричат: «Горько!»
Андрей и Маша целуются. Радость. Веселье. Все, кроме зрителей,
довольны.)

Юрий ИВАНОВ

г. Дзауджикау.

ПО КОМУ ПЛАЧЕТ СКАМЬЯ ПОДСУДИМЫХ

Рис. В. ГОРЯЕВА

— Кармана можете мне не делать! Я пользуюсь государственным!

СООБЩАЕМ АДРЕСА

(ПРОДОЛЖЕНИЕ).

В первый раз за всё время существования отдела «Сообщаем адреса» мы оказались в весьма затруднительном положении. Читатели прислали несколько жалоб на плохое качество спичек. В этих жалобах упоминались спичечные фабрики «Гигант», «Знамя», «Красная звезда», Ново-Белицкий комбинат и другие. Мы попытались беспристрастно разобраться, какая же фабрика достойна нашего внимания. Но никак не смогли прийти к правильному выводу.

Тогда на помощь нам пришёл начальник Главспичпрома тов. Шибаршин. Он любезно сообщил, что только спичечная фабрика «Красная звезда» может претендовать на первое место среди бракоделов. Тов. Шибаршин также довел до всеобщего сведения и адрес этой фабрики:

ГОР. КИРОВ

ДИРЕКТОР

т. ПОСТНИКОВ

Тов. Постников может быть польщен: сам главк отметил его деятельность!

* * *

Как бросить курить? Многих волнует этот наболевший вопрос. Одни обращаются за советом к врачу, другие прибегают к помощи гипнотизёра, третьи пытаются отвыкнуть от курения, заменив папиросы сладостями, после которых начинают курить вдвое больше прежнего. Наш совет: попробуйте обратиться за помощью по следующему адресу:

ГОР. ГЛАЗОВ,

Удмуртская АССР

табачная фабрика

ДИРЕКТОР т. КАНТАРОВИЧ

Попросите прислать вам пачку папирос «Беломор» этой фабрики. Закурите. Ручаемся: бросите курить немедленно после первой затяжки.

* * *

Наднях мы зашли в магазин № 2 Главурса Трансторгснаба на Домниковской улице. Мы увидели опрадную картину: полки магазина были заполнены детскими шубами.

— Продаются? — спросили мы продавца.

— Продаются-то продаются, но, к сожалению, никто не покупает, — грустно ответил работник прилавка.

— Почему так? — полюбопытствовали мы.

— А вот посмотрите, разве это шубы?

И нашему взору представились детские одеяния с разными рукавами, с распоротыми швами, с неподшитыми полами и прочими деталями, делающими детские шубы непригодными к носке.

— Кто же делает такие, с позволения сказать, вещи? — поинтересовались мы.

И тут нам показали ярлык, на котором ясно значилось:

МЕХОВАЯ Ф-КА №3

г. МОСКВА

НОВО-БАСМАННАЯ д. 39

ДИРЕКТОР т. НАЗАРОВ

Граждане, запомните этот адрес!

(Продолжение следует.
А когда же будет конец?)

КОВЫРЯЕМСЯ, ИВАН ПАВЛОВИЧ!

ТАКОВ древний обычай: приехавший на завод представитель печати первым делом является к директору. Вас усаживают в кресло, и директор рассказывает вам историю завода: — Вот на этом месте ничего не было. На том месте было болото, вот там утки плавали.

После уток следует тяжёлый, но бодрый вздох. Директор переходит к трудностям «на данном отрезке времени». И, наконец, более лёгкий вздох, сопровождаемый приятной улыбкой:

— А план мы всё-таки выполняем...

Но если вы хотите нарушить обычай и совершить при том величайшую бестактность, спросите директора о себестоимости продукции или о БРИЗ.

Этой бестактности мы не сделали. Просто потому, что мы сперва пошли в партком завода.

Дмитрий Иванович Лазарев, заместитель секретаря парткома Ярославского автомобильного завода, познакомившись с нами, не выразил ни восторга, ни сожаления.

— БРИЗ? Это к товарищу Давыдову.

Дмитрий Иванович наскоро вручил нас литературному работнику заводской газеты, и мы пошли к Давыдову.

БРИЗ И КИНОМЕХАНИКА

БРИЗ — бюро рационализации и изобретательства.

— Кто у вас лучший рационализатор и изобретатель? — спрашиваем тов. Давыдова, заведующего БРИЗ.

— Вот Русов, молодой инженер. Ещё Тарасов имеется.

— Какое предложение внёс Тарасов?

— Заменить сварные ланжероны целиковыми.

Заглядываем в книгу. Предложение внесено Тарасовым в июне сорок седьмого года.

— Внедрено предложение Тарасова?

— Никак не разберёшь. Заключение специалистов говорит, что предложение может дать от 100 до 200 тысяч рублей экономии в год. Одни говорят, что оно внедрено, а другие говорят, что нет.

— А кто же должен дать окончательное заключение?

— Заместитель начальника цеха Чистяков. Но он сам изобретатель и не хочет заниматься «чужими» предложениями. Понимаете, как обстоит дело? Без заключения Чистякова нельзя записать, что оно внедрено, а раз оно не внедрено, нельзя выписать Тарасову премию, а раз нельзя выписать премию, бухгалтерия не может показать экономию, а раз нет экономии, нельзя снизить себестоимость, а раз нельзя снизить...

— А почему бы вам вечером не собрать рационализаторов, не пригласить на это собрание Чистякова?

— Вечером я занят. Я, собственно, больше киномеханик клуба. А что я вообще могу сделать, когда ни указаний, ни установок...

Мы решили пойти в завком за указаниями и установками.

«ОШИБКА ИНЖЕНЕРА КОЧИНА»

Был на заводе хороший инженер-технолог Кочин, абсолютно незнакомый с профсоюзной работой. И сделали Кочину одолжение: избрали его председателем завкома. И теперь, что бы Кочин ни сделал, тут же слышится: «Ошибка инженера Кочина».

Товарища Сурянинова мы встретили во дворе, возле дизельного цеха.

— Вы председатель комиссии по рационализации и изобретательству при завкоме?

— Спасибо, что вы мне об этом напомнили. Целый год ничего не делаем. Правда, несколько месяцев болел.

— Почему же вас не заменили?

— Ошибка инженера Кочина.

«ПОЛИКЛИНИКА» ИНЖЕНЕРА РУСОВА

Старший инженер дизельного цеха Константин Русов, рождения 1919 года. Окончил три курса Ленинградского электротехнического института, затем ушёл на войну и с 1943 по 1946 год, работая в промышленности, сумел заочно закончить институт.

Кто не знает на заводе инженера Русова и его «поликлинику»?!

Надо извлечь сломанный инструмент уже в готовом дизеле — идут к Русову. Называется эта операция «удаление аппендицита». Идёт Русов по цеху, и, по его собственному выражению, у него «болит душа». Лежат блоки дизеля. Преимущественно бракованные. Много блоков. Очень даже много. Каждый стоит 4 тысячи рублей. Русов вместе с такими же энтузиастами, как он, делает приспособления и вкрапливает в раковину блока капли меди. Блок становится водонепроницаемым — и 4 тысячи спасены.

Депутат Верховного Совета РСФСР Артемий Павлович Осипов, мастер завода, жалуется:

— Это же курам насмех! На таком огромном заводе за сорок седьмой год рационализация дала только 132 тысячи рублей экономии, а во время войны мы давали миллионы.

КОВЫРЯЕМСЯ...

Главный технолог завода — товарищ Шапиро. Очки в чёрной роговой оправе и очень спокойное лицо.

Товарищ Шапиро усаживает нас в кресло и начинает рассказывать историю завода:

— Вот там утки пла...

— Скажите, ланжероны штампуются по предложению Тарасова?

Старший технолог завода удивлён:

— Разве есть такое предложение? Тарасова? Сейчас узнаю.

Звонок в цех.

— Как обстоит дело со штамповкой ланжерона? Ах, ещё ковыряемся?

— Товарищ Шапиро, это предложение внесено Тарасовым ещё в июне сорок седьмого года.

— Наверно, кто-нибудь написал письмо?

— Нет, это нам в цехе рассказали. Мы с утра побывали в цехах.

Шапиро снял очки:

— Как же без нас? Пойдёмте к директору.

У ДИРЕКТОРА

— Иван Павлович, — говорит Шапиро, — оказывается, корреспондент находится на заводе с самого утра.

— Да? Как же вы так? Значит, вам уже всё известно? Да, по чести сказать, у нас, как бы выразиться, нет рационализации.

— Но есть же на заводе рационализаторы, изобретатели?

— Вот Русов.

— Тарасов тоже имеется. Предложил целиковые ланжероны.

— Разве Тарасов предложил? Как у нас обстоит с этим дело, товарищ Шапиро?

— Ковыряемся, Иван Павлович!

Тут мы снова совершили бестактность и задали вопрос: как можно увязать развёртывание рационализаторской мысли с отказом от государственной дотации?

Вместо ответа директор вздохнул. Старший технолог не замедлил вздохнуть вслед за директором.

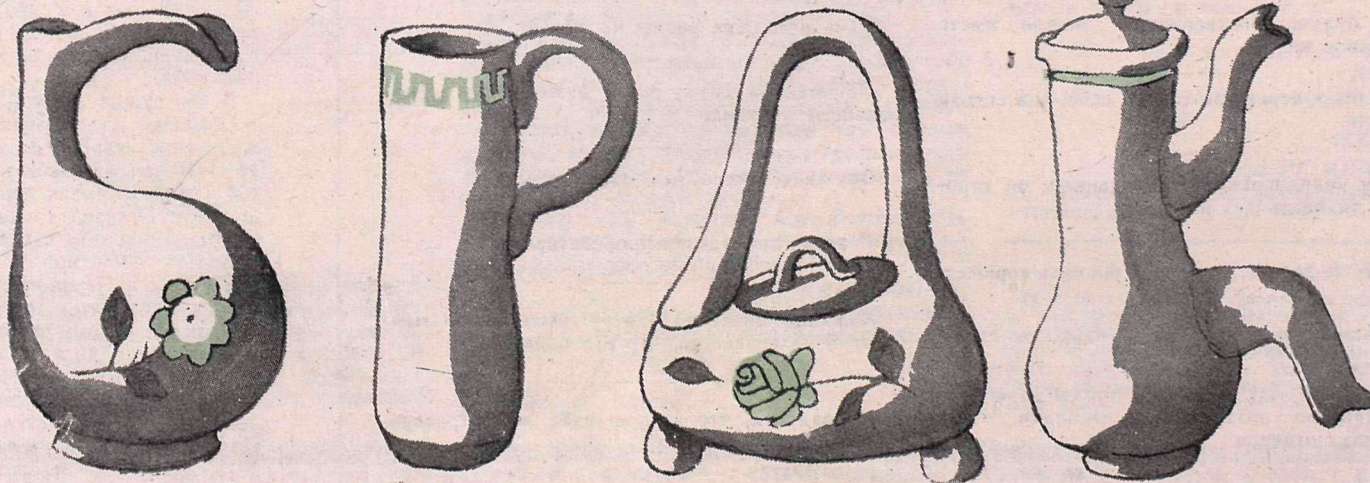
М. ЭДЕЛЬ

(собственный корреспондент)

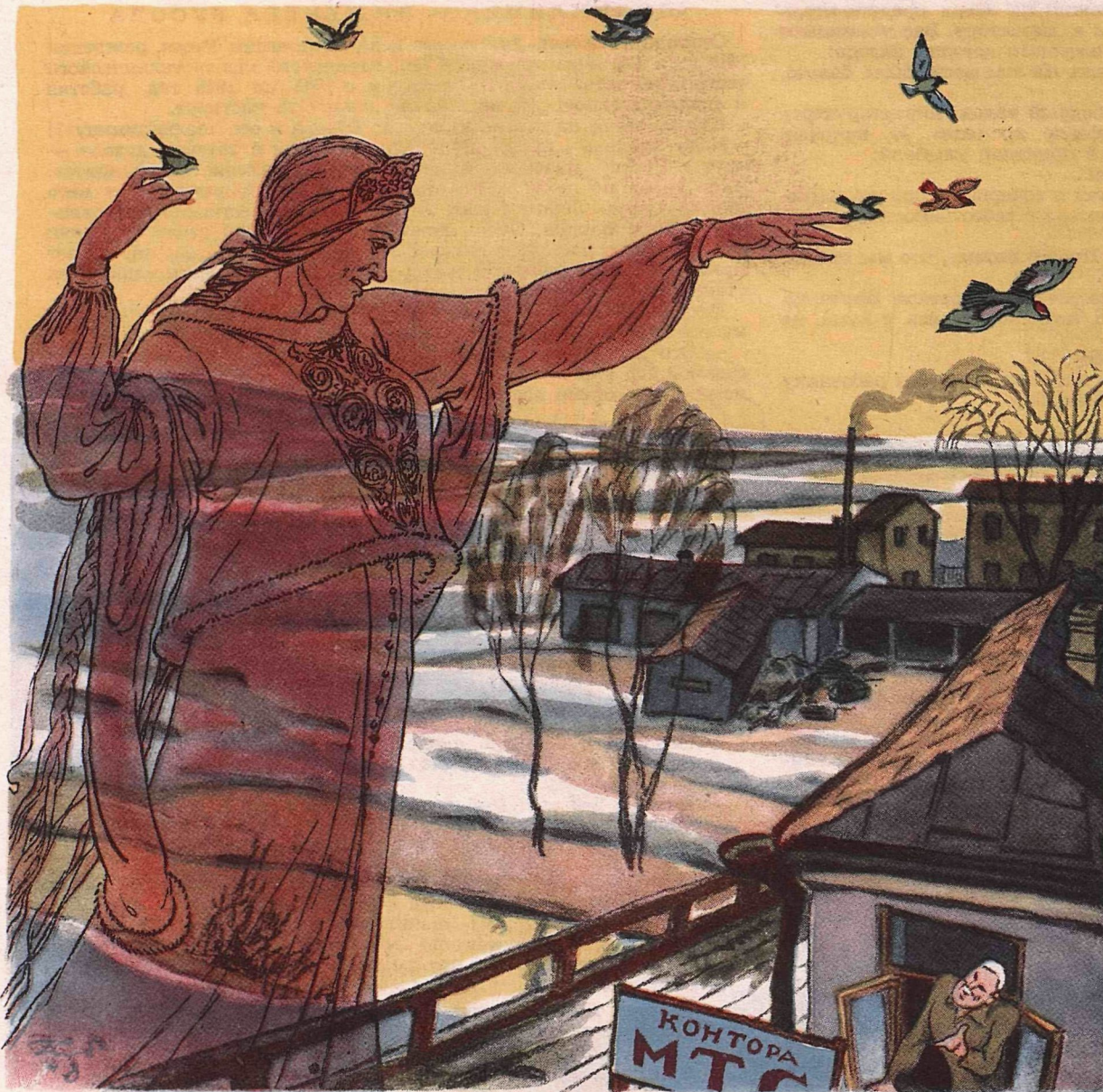
г. Ярославль.

Рис. Е. ЕВГАН

Дулёвская фарфоровая фабрика выпускает много бракованной посуды.

Подсудное производство.

— Никак мы с вами не сработаемся, товарищ весна! То мы запоздаем вас встретить, то вы поторопитесь с приходом!

ОТРЫВКИ ИЗ НЕНАПИСАННОГО

И не будучи собственником можно иметь собственное мнение.

Часы были верны, но только себе: они всегда отставали.

Певцу аплодировали с опозданием: он хорошо пел двадцать лет назад.

И горя на работе, должно экономить горячее.

Критик-заочник: критикует только за глаза.

Телефон-автомат держался гордецом и бес-серебренником: возвращал гривенники и не удостоивал ответом.

И новолуние не ново.

Одна веснушка весны не делает.

Не всякому слуху верь, даже слуху музыкального критика!

Осуждать легче, чем обсуждать.

И траве приходится пребываться.

Хороший писатель боится быть непонятым, плохой — опасается, что его поймут.

Не радуйся, что весной идёт лёд! Проверь, идёт ли он на льдобазу.

М. ЯКОВЛЕВ

В И Л Ы В Б О К

«СПЕЦИАЛИСТЫ»

Саратовский трест столовых и ресторанов поистине может гордиться своими кадрами. Немало потрудились директор треста тов. Гуляев и начальник отдела кадров тов. Ермаков над подбором специалистов, полностью могущих обеспечить общественное питание в Саратове.

Ну чем, скажите, не на месте заведующая буфетом Витвицкая? Бывшая её специальность фармацевта несколько не мешает умело отпускать бутерброды с колбасой.

Или вот ещё один работник буфета — Шахова, в прошлом педагог. Её основная профессия только помогает культурно обслуживать посетителей.

А разве не справляется с работой заместитель директора одной из столовых Коротков, работавший раньше главным механиком МТС?

Надоела Короткову, повидимому, сельская тишина, и он, попав в радужные объятия Гуляева и Ермакова, пригрелся у плиты.

Интересно, как применяет Коротков свои прежние знания на новом поприще? Не иначе, в возглавляемой им столовой готовят теперь шарикоподшипники с ветчиной или варят бульон из запасных частей.

КООПЕРАТИВНЫЙ ФОНТАН

Как раз в тот момент, когда страна перешла к открытой торговле, в сельских магазинах Дедовичского райпотребсоюза, Псковской области, не оказалось метров для отмеривания мануфактуры. Однако эта непредвиденная трудность не вызвала растерянности в рядах местных кооператоров.

— Раз нет метров, — быстро сообразили они, — значит, нельзя торговать мануфактурой.

И перестали торговать...

Таким образом, совершенно очевидно, что инициатива в Дедовичском райпотребсоюзе бьёт фонтаном. Говорят, в сельских магазинах района нехватает и весов. Значит, скоро в Дедовичах ударит новый фонтан.

А население почему-то недовольно. Дескать, вышеназванные фонтаны ударяют по его интересам.

БЕСПЛАНОВЫЕ ПЛАНЫ

Есть в Ростовской области такая организация — Аздоррыбаксоюз. Знаменита она тем, что её руководители тт. Сущенко и Гулянец придумали оригинальную игру с рыбаками.

В чём сущность этой игры?

Скажем, Аздоррыбаксоюз должен «спустить» рыбацкому колхозу «Искра Кавказа» план на 1947 год. Открывая игру, тов. Сущенко и Гулянец 15 января «пускают» первый вариант плана. Вслед за ним в колхоз летит второй вариант. Через три с лишним месяца посылаётся новое задание. Ещё через некоторое время и оно меняется, и т. д., и т. п.

Год, как известно, делится на кварталы. В соответствии с этим делением усложняется и игра. План третьего квартала для колхоза «Искра Кавказа» менялся семь раз, план четвёртого квартала — шесть раз.

Настал 1948 год. Игра продолжается.

**СИМ
ПОДТВЕРЖДАЕТСЯ...**

14 января сего года саратовская газета «Коммунист» метнула гром и молнию на местный юридический институт. В статье редакционного работника Ю. Лейтиса она сурово заклеймила «равнодушные отношения руководителей института к воспитанию научных кадров», и в числе прочих улик она привела такой беспощадный факт:

«Расписание сдачи экзаменов кандидатского минимума не выполняется и в десятой доле. Ни одного экзамена не сдали ещё преподаватели тт. Епенешников, Мосолов, Вейдеман...»

Уведомяем автора статьи и заместителя редактора тов. М. Макавеева, чья подпись стоит в конце номера газеты: как бы они ни гневались, — упомянутый ими Вейдеман всё равно не сдаст ни одного экзамена. У него на это есть уважительная и весьма грустная причина: не так уж давно, 28 ноября, коллектив Саратовского юридического института с глубоким приговором извещал на страницах той же газеты «Коммунист» о смерти преподавателя Вейдемана...

Сим подтверждается ещё раз, что некоторым заместителям ре-

дакторов и редакционным работникам всё-таки следует читать свою собственную газету.

ЛУЧШИЙ ИЛИ ХУДШИЙ

С большим удовольствием прочли работники Мольпанского сельпо 14 января в «Марийской правде» сообщение о том, что

«президиум Мариотребсоюза и обком профсоюза работников потребительской кооперации вручили переходящее Красное знамя лучшему в республике Мольпанскому сельпо, Оршанского района. Выделена денежная премия в сумме 1000 рублей председателю сельпо тов. Рыбакову».

Но радость оказалась преждевременной: прошли ровно сутки, и уже 15 января мольпанские кооператоры, на этот раз весьма опечаленные, прочли в своей районной газете «За большевистские колхозы» грустное известие, что

«...плохо организована торговля в Мольпанском сельпо только из-за неповоротливости председателя тов. Рыбакова».

Неужели у Рыбакова от успехов настолько вскружилась голова, что он за сутки успел развалить работу в сельпо и из лучшего превратился в худшего, вызвав тем самым нарекания со стороны районной газеты?

ДЕЛА БАНКЕТНЫЕ

Рис. А. БАЖЕНОВА

— Кто говорил, что за экономию пить не стоило? Стоило! И очень много!

Дорогой Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый Крокодил!

Сельскохозяйственное товарищество в Рынку не выполнило распоряжения заведующего Тартуского торговдела тов. Грибоедова и не представило отчёта.

Собственно говоря, товарищество и не могло это сделать вовремя, так как Грибоедов только 14 января предложил представить отчёт к 15 января в 21.00 час. А поезд из Рынку, как назло, приходит в час ночи.

Грибоедов рассвирепел: «Ослушались? Как смели? Наказать!» И отдал приказ: «За несвоевременное представление отчёта закрыть в Тарту ларёк товарищества». Будут знать!

Прости меня, уважаемый Крокодил, за аналогию, но она напрашивается невольно:

— А ещё Грибоедов! Вот уж действительно горе от ума.

П. ТИИДО,
депутат Верховного Совета
Эстонской ССР

г. Тарту, ЭССР.

Дорогой Крокодил!

Как известно, на нашем железнодорожном транспорте курсирует немало образцовых поездов: например, «Красная стрела», разные там «голубые экспрессы» и тому подобное. У нас на Пермской дороге тоже есть один необыкновенный поезд. Пассажиры называют

его «курьерский на волах». Он ходит через день между станцией Киров и Фосфоритными рудниками. Расстояние — 350 километров. Время в пути — 22 часа. Средняя скорость — 15 километров в час.

При посадке или высадке на промежуточной станции «Стальная» пассажирам создаются все условия для физкультурных развлечений. Начальник станции Питиримов ставит пассажирский поезд на запасный путь, на главный принимает товарный, и в 3 часа ночи на путях начинается чехоманно-акробатический кросс.

Поистине, днём и ночью пекутся о пассажире деятели Пермской дороги!

П. МАРАКУЛИН,
редактор районной газеты «Голос рабочего»

г. Омутнинск, Кировской области.

Товарищ Крокодил!

Начальник Высоковского отдела кинофикации (Московская область) тов. Попов несколько своеобразно представляет себе, в чём состоит его функции как деятеля Кинопроката. Вместо того чтобы распространять, скажем, фильмы в клубы и другие киноточки, он предпочитает снимать их с экрана.

Так, недавно Попов прислал директору клуба «Красные текстильщики» при Высоковской прядильно-ткацкой фабрике бумажку, запрещающую демонстрацию в клубе картины «Пирогов», потому что она шла там первым экраном. Письмо сопровождало грозное предупреждение: если это не будет сделано, то прокат будет вообще закрыт.

Поэтому нам кажется, что деятельность тов. Попова в области кинофикации правильнее было бы назвать кинофикацией.

В. КИРИЛЛОВ,
секретарь комитета комсомола
Высоковской прядильно-ткацкой
фабрики

г. Высоковск,
Московской области.

Дорогой Крокодил!

Спешим поделиться с тобой радостной новостью: к нам приехала со своим ансамблем народная артистка республики Шара Нурумова.

Хотя концерт вместо восьми часов начался в одиннадцать, зрители были вполне компенсированы. Артистка блестяще разыграла сцену торга, не предусмотренную в первоначальной программе вечера.

За своё выступление Шара Нурумова потребовала четыре тысячи рублей. И ни копейки меньше. К восьми часам в кассе клуба до этой суммы не хватало 300 рублей. Администрация клуба обещала вручить недостающую сумму сейчас же после концерта. Даже расписку давали. Шара Нурумова была неумолима.

Начался дополнительный сбор. Наскребли ещё 210 рублей. Шара Нурумова не уступала. Тогда один из зрителей великодушно пожертвовал на алтарь искусства 90 рублей, и концерт благополучно начался.

Сцена торга продолжалась три часа, а концерт — всего сорок минут. Понятно, что сцена имела у зрителей исключительный успех и оставила неизгладимое впечатление, чего нельзя сказать о концерте.

АБРАМОВ,
пом. секретаря райкома КП(б)К
КОКСАЛОВ,
зав. отделом пропаганды и агитации

НУРАЛИЕВА,
зав. учётом РК КП(б)К

с. Михайловка, Джамбульской области,
Казахская ССР.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

● В № 1 Крокодил напечатал заметку «Задача не для детей» о несвоевременной доставке груза для Ново-Пражского потребсоюза, Кировоградской области. На весовщика ст. Знаменка, Одесской дороги, Ульяновича, допустившего засылку груза, наложено административное взыскание. Груз с мануфактурой доставлен адресату.

Редактор — Г. РЫКЛИН. Редакционная коллегия: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. ШВЕЦОВ

Адрес: Москва, 49, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц

Изд-во „Правда“

Москва. Изд. № 170. Подп. к печати 2/III 1948 г. Статформат 72x105 см. Печ. л. 1 1/2. Кол. экз. в 1 печ. л. 78 000.

А—01100. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Тираж 150 000 экз. Заказ № 568.

9 9 МАР 1948

Всероссийская
нижняя палата
обяз. экз.
1948 г.

1799

РАЗГОВОР С ХОЗЯИНОМ

Рис. Ю. ГАНФА

101/48

— Извините, мистер, машина испортилась! Действует только задний ход!